

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Автор-
составитель**

**Александр
Колпакиди**

**ТАЙНАЯ
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ**

Советский век. Война

Сборник

**Тайная история отечественной
внешней разведки**

«Алисторус»

2021

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Сборник

Тайная история отечественной внешней разведки / Сборник —
«Алисторус», 2021 — (Советский век. Война)

ISBN 978-5-00180-118-4

В декабре 2020 года Служба внешней разведки России отметила своё 100-летие. За целый век ее деятельности накопилось множество тайн. Некоторые из них в своих статьях раскроют авторы сборника. Так, многие слышали про «Кембриджскую пятёрку» – ядро сети советских агентов в Великобритании, завербованных в 30-х годах XX века в Кембриджском университете. Впервые будет рассказано об аналогичной сети – «Оксфордской группе». Другая эксклюзивная история – рассказ об операциях внешней разведки на территории Китая в 1967–1982 годах. А еще – подробный рассказ о А. С. Панюшкине, выдающимся дипломате и разведчике и первом начальнике контрразведки ФРГ Отто Йоне, который после четырех лет руководства этим ведомством сбежал в ГДР, где подробно рассказал о своей работе сотрудникам советской разведки. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00180-118-4

© Сборник, 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

Тайная история внешней разведки. Вместо предисловия	6
Советская внешняя разведка на Дальнем Востоке в 1920 – 1922 гг	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Тайная история отечественной
внешней разведки. Сборник**
Автор-составитель Александр Колпакиди

© Колпакиди А.И. авт. – сост., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Тайная история внешней разведки. Вместо предисловия

Ведяев А.,

к. т. и, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, руководитель отдела информации Общероссийского Фонда ветеранов и сотрудников подразделений специального назначения и спецслужб органов государственной безопасности России “ВЫМПЕЛ-ГАРАНТ”

Говорить об истории внешней разведки можно лишь с известной долей условности, поскольку служба эта является закрытой и многие аспекты ее деятельности составляют предмет государственной тайны. Однако непрекращающаяся психологическая война с западными странами заставляет нас вновь и вновь обращаться к различным эпизодам деятельности отечественных разведчиков с целью раскрыть их вклад в дело обеспечения безопасности страны – в том числе и Победу в Великой Отечественной войне, – и дать отпор клеветническим измышлениям поборников свободы американского толка, пытающихся опорочить беззаветное служение долгу перед своим народом и одновременно оправдать агрессивное вмешательство в дела других стран, государственный терроризм и убийства, ставшие фирменным почерком западных спецслужб.

Внешнеполитическая разведка как единая централизованная служба отсутствовала в составе российских спецслужб до 1920 года, когда стало ясно, что неудача в Советско-польской войне 1919–1921 годов во многом была обусловлена именно недостатками в получении надежной разведывательной информации о намерениях противника. Для создания новой разведывательной службы была образована комиссия во главе со Сталиным и Дзержинским – закаленными бойцами, имеющими колоссальный опыт подпольной работы. На основании подготовленных комиссией предложений Председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский 20 декабря 1920 года подписал приказ о создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК – первой в российской истории службы внешней разведки. На ИНО были возложены организация легальных и нелегальных разведаппаратов (резидентур) за кордоном и руководство ими, проведение агентурной работы среди иностранцев на территории своей страны и обеспечение паспортно-визового режима.

Практически одновременно с ИНО, в июле 1921 года, в структуре Исполкома Коминтерна, было создано секретное оперативное подразделение – Отдел международных связей (ОМС), который по своим функциям и своей структуре также являлся разведслужбой, располагая штатом оперативных работников, агентурой, курьерами, шифровальной службой и службой по изготовлению поддельных документов. Поскольку главной целью ОМС было создание политических и военных структур за кордоном для продвижения идеи мировой «перманентной» революции, большинство его сотрудников составляли интернационалисты, евреи по национальности, имевшие широкие деловые и родственные связи по всему миру. Между ОМС Коминтерна и ИНО ВЧК (ОГПУ) было налажено тесное взаимодействие, и, хотя сотрудникам запрещалось одновременно работать в обеих спецслужбах, наблюдались их частые переходы из одной службы в другую.

Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев (настоящее имя Евсей-Гершен Ааронович Радомысльский) и председатель Реввоенсовета, нарком по военным и морским делам Троцкий (настоящее имя Лейба Давидович Бронштейн) имели колоссальный авторитет в партии. Иногда на этом основании делается неверный вывод, что в 1917 году власть в стране была захвачена евреями. Это абсолютно не так, поскольку в первом советском правительстве (СНК) был только один еврей – Троцкий. Но трудно отрицать тот факт, что влияние их, в том числе

в силовых структурах, неуклонно росло. Если в первом составе ВЧК (на 1 января 1918 года) из 11 человек семеро были русскими и не было ни одного еврея, то к моменту образования СССР (30 декабря 1922 года) в составе ГПУ (которое 15 ноября 1923 года было преобразовано в ОГПУ при СНК СССР) оставалось всего шестеро русских на 23 человека, из которых уже девять были евреями.

С наступлением мирного времени, когда потребовалось восстанавливать и отстраивать страну, разрушенную Империалистической и Гражданской войной, неожиданно выяснилось, что большинство революционных «пассионариев», этнически не связанных с русской духовно-исторической традицией, вовсе не рассматривают «эту страну» как свою конечную цель. Их интересы лежат за пределами России – в Европе, Азии и Америке, где только и возможно осуществление идеалов коммунизма, а отсталая аграрная Россия – всего лишь плацдарм, да еще человеческий материал, который можно бросить в топку «мировой революции».

Противоположную позицию занял Сталин. Впервые он озвучил ее в 1922 году, когда предложил план «автономизации», что означало включение национальных окраин в состав РСФСР на правах автономий. Этот план, фактически означавший возрождение Российской империи, встретил ожесточенное сопротивление на Украине и в Грузии, и окраины вошли в состав Союза на правах союзных республик. Из названия самой федерации «СССР» было устранено слово «Российский».

Однако, следуя своему курсу на построение русского социализма, Сталин собирает вокруг себя единомышленников, таких как Дзержинский, Молотов и Куйбышев. По настоянию Сталина Президиум ЦИК СССР назначает Дзержинского председателем комиссии по организации похорон Ленина, что резко поднимает статус Дзержинского в иерархии власти. Уже в феврале 1924 года Феликс Эдмундович становится во главе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР и начинает подготовку к индустриализации страны, в качестве основного звена которой были выбраны инвестиционные отрасли, такие как металлургия и машиностроение, на основе централизации управления экономикой и концентрации государственного капитала в едином промышленном бюджете. По инициативе Дзержинского вместо Главметалла ВСНХ была создана комиссия МеталлЧК, которую он же и возглавил.

В конце апреля 1925 года в Москве XIV партийная конференция одобрила выдвинутую Сталиным ещё в декабре 1924 года теорию построения социализма в одной стране. В резолюции «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным Пленумом ИККИ» резкой критике был подвергнут тезис Троцкого о невозможности построения «полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без “государственной помощи” более развитых в технико-экономическом отношении стран». Против Сталина выступил председатель Исполкома Коминтерна и Ленсовета Зиновьев (Радомысльский), поддержанный председателем Исполкома Моссовета Каменевым (Лев Розенфельд) и ленинградской делегацией. Сложившийся оппозиционный блок получил название «Новой оппозиции». В апреле 1926 года к «Новой оппозиции» присоединяется и сам Троцкий (Лейба Бронштейн), в результате чего сложилась так называемая «Объединённая оппозиция».

20 июля 1926 года, на пленуме ЦК ВКП(б), посвящённом состоянию экономики СССР, Дзержинский подверг резкой критике Пятакова, которого он назвал «самым крупным дезорганизатором промышленности», и Каменева, которого обвинил в том, что тот не работает, а занимается политиканством. Как пишет в своих воспоминаниях Анастас Иванович Микоян, «выступление Дзержинского было резким, острым... Речь его прерывалась частыми репликами со стороны оппозиции – Пятакова, Каменева, Троцкого. Дзержинский доказал, что все те доводы, которые приводила оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той работе, которую ведут Пленум и Политбюро». Каменев в своем заключительном слове снова допустил грубые нападки на Дзержинского, который «почувствовал себя плохо и, не дождавшись конца заседания, вынужден был с нашей помо-

щью перебраться в соседнюю комнату, где лежал некоторое время. Вызвали врачей. Часа через полтора ему стало лучше, и он пошел домой. А через час после этого его не стало». Заседание было прервано, работа пленума приостановлена. В начавшейся суматохе кто-то быстро убрал стакан с водой, из которого во время выступления пил Дзержинский. Так что никаких следов не осталось.

Все дело в том, что на тот момент ни в ОГПУ, ни в Коминтерне, решения которого были обязательны для РКП(б)/ВКП(б), ни в его разведке – ОМС сторонников Сталина, да и русских вообще практически не было. В РККА также в значительной степени сохранялся авторитет Троцкого, который в 1918–1925 годах был председателем Реввоенсовета и наркомом по военным и морским делам. Говоря нынешним языком, у Сталина не было достаточной поддержки со стороны силовиков.

В этой ситуации, понимая серьезность своего положения, Сталин ищет поддержку в рядах партийцев (одним из тех, на кого он мог опереться, стал к 1930 году Ежов) и создает свою собственную спецслужбу – личную разведку, найдя сторонников в лице бывшей Имперской разведки Российской империи. Это была мощная глубоко законспирированная сеть, проникавшая во все властные структуры и масонские ложи западного мира. В числе ее агентов были влиятельные люди, такие, как, например, Николай Рерих. «Через военную и Имперскую разведки Российской империи, – пишет генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов, – а не через ОГПУ Сталин владел информацией о тайных операциях первых чекистов за рубежом».

Но еще раньше именно так поступил и Дзержинский. В недрах ОГПУ он создал параллельную ИНО структуру нелегальной разведки глубокого залегания для проникновения на стратегические объекты потенциального противника и ликвидации наиболее опасных руководителей антисоветских террористических организаций, перебежчиков, шпионов и предателей. У истоков этой структуры, подчинявшейся лично Председателю ОГПУ и получившей название «группы Яши» (впоследствии СГОН – специальная группа особого назначения), стояли Яков Блюмкин, Яков Серебрянский и Наум Эйтингон. Все они в недавнем прошлом были эсерами крайне левого и максималистского толка, то есть сторонниками революционного крестьянства, ведущего против эксплуататоров беспощадную герилью в духе нынешних последователей Че Гевары и Мао Цзэдуна.

Осенью 1923 года Дзержинский отдает распоряжение о создании в Палестине нелегальной резидентуры, поручив выполнение этой задачи Якову Блюмкину (оперативные псевдонимы «Макс», «Исаев»). Своим заместителем Блюмкин берет Серебрянского, которого знал по штабу Персидской Красной Армии, ведущей партизанскую войну против шахского правительства и поддерживавших его англичан в иранской провинции Гилян. После отъезда Блюмкина в Москву в 1924 году руководителем резидентуры становится Серебрянский. Ему удалось внедриться в подпольное сионистское движение, боровшееся против экспансии англичан, рвавшихся к иракской нефти и контролю над Суэцким каналом. Он привлек к сотрудничеству с ОГПУ целый ряд действовавших там эмигрантов, обещая им по согласованию с руководством переброску в Россию. Именно они составили впоследствии ядро боевой группы, известной как «группа Яши».

В 1926 году Серебрянского направляют нелегальным резидентом в Бельгию, а затем в Париж, где он находится до 1929 года. После возвращения в Москву он был назначен начальником 1-го отделения (нелегальная разведка) ИНО ОГПУ СССР. Теперь у него личный кабинет на Лубянке, свой аппарат сотрудников Центра и сеть созданных им нелегальных резидентур за кордоном, включающих многочисленных глубоко законспирированных агентов. Уникальность ситуации заключалась в том, что Серебрянскому и его заместителю Эйтингону, которого на работу в центральный аппарат разведки также пригласил лично Дзержинский, было дано право вербовки агентов без согласования с Центром. Такого в истории разведки не было ни до, ни после. Имя Серебрянского было настолько засекреченным, что, как пишет Павел Анатолие-

вич Судоплатов, вернувшись из своей первой заграничной командировки, он не знал, что беседует с руководителем «группы Яши». Многие материалы, связанные с этой группой, находятся на особом хранении и не будут рассекречены никогда.

26 января 1930 года в Париже «группой Яши» была проведена операция по захвату и вывозу на советскую территорию председателя Российского общевойскового союза (РОВС) генерала Кутепова, развязавшего террор и диверсии в отношении СССР. Кутепова втолкнули в автомобиль и сделали инъекцию морфия. Генерал исчез бесследно, вызвав среди части эмиграции панику из-за «всемогущества ГПУ». За эту операцию Яков Серебрянский был награжден орденом Красного Знамени.

Тем временем Блюмкин, владея двумя десятками языков, в том числе восточных, по заданию ИНО ОГПУ 17 сентября 1925 года под видом паломника проникает на территорию Афганистана, а оттуда – в Индию. Там он изменяет свою внешность, став монгольским ламой, и прибывает в Лех, столицу княжества Ладакх, где встречается с экспедицией Рериха – который, как мы уже знаем, действовал по заданию Сталина. Вот как Рерих описывает эту встречу в своем дневнике: «Приходит монгольский лама и с ним новая волна вестей. В Лхасе ждут наш приезд. В монастырях толкуют о пророчествах. Отличный лама, уже побывал от Урги до Цейлона. Как глубоко проникающая эта организация лам!»

В 1928 году Блюмкин становится резидентом ИНО в Константинополе и на Ближнем Востоке. Когда в 1929 году здесь оказывается высланный из СССР Троцкий, Яша не может отказать своему бывшему покровителю. Он привозит в Москву письмо Троцкого Карлу Радеку и рассказывает обо всем своей возлюбленной, сотруднице ИНО ОГПУ Лизе Горской – будущей знаменитой советской разведчице Елизавете Зарубиной, королеве вербовки, которая отличится работой с самим Штирлицем (Вилли Леманом) и будет с легкостью похищать американские атомные секреты. Блюмкин не знал, что Лиза тут же сообщила об их разговоре руководству ИНО. Но он все же почувствовал что-то неладное, поскольку решил бежать. На Мясницкой такси остановили люди в штатском. Блюмкину предложили пересесть в другую машину. Он вышел молча. Потом обернулся к спутнице и сказал с улыбкой: «Ну, прощай, Лиза. Я ведь знаю, что это ты меня предала». Она не ответила – ведь они оба были профессионалами.

В справке, подписанной начальником ИНО Абрамом Ароновичем Слуцким, сказано: «... Зарубина была женой осужденного троцкиста Блюмкина. В 1928 году Блюмкин рассказал ей о своей связи с Троцким и подготовке побега за границу. Об этом Горская доложила Трилиссеру и приняла участие в аресте Блюмкина...».

В решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 октября 1929 года в одном из пунктов значится:

«а) Поставить на вид ОГПУ, что оно не сумело в свое время открыть и ликвидировать антисоветскую работу Блюмкина.

б) Блюмкина расстрелять.

в) Поручить ОГПУ установить точно характер поведения Горской.

Выписка послана т. Ягоде».

Ягода провел расследование, которое привело к выводу, что Лиза Горская в деле Блюмкина вела себя вполне достойно, о чем и было доложено Сталину. В итоге Лизу вместе с опытным нелегалом Василием Зарубиным направляют в Европу под видом супружеской четы, где они успешно работают во Франции и Германии с перерывами практически до самой войны. Осенью 1941 года Зарубин с женой едет резидентом в Нью-Йорк. «Берегите её», – напутствовал Сталин. Он никогда ничего не забывал.

Тридцатые годы ознаменовали собой дальнейшее нарастание пагубных тенденций в советских спецслужбах, объединенных в 1934 году в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД СССР). В ноябре 1935 года сотрудникам НКВД были присвоены персональные звания. Это позволяет легко отследить национальный состав элиты госбезопасности на тот период.

Высшее маршальское звание Генерального комиссара ГБ получил только Генрих (Енох) Григорьевич (Гершеневич) Ягода – по национальности еврей.

Следующие сотрудники НКВД получили звание комиссара ГБ 1-го ранга (генерал армии):

Агранов (Сорендзон) Яков Саулович (Янкель Шмаевич) еврей
Прокофьев Георгий Евгеньевич русский
Заковский Леонид Михайлович (Генрих Эрнестович Штубис) латыш
Реденс Станислав Францевич поляк
Балицкий Всеволод Аполлонович украинец
Дерибас Терентий Дмитриевич украинец
Звание комиссара ГБ 2-го ранга (генерал-полковник) получили:
Паукер Карл Викторович еврей
Гай (Штоклянд) Марк Исаевич (Исаакович) еврей
Миронов (Коган) Самуил Леонидович еврей
Молчанов Георгий Андреевич русский
Шанин Александр Михайлович русский
Слуцкий Абрам Аронович еврей
Бельский (Левин) Лев (Абрам) Николаевич (Михайлович) еврей
Рудь Петр Гаврилович еврей
Залин (Левин) Лев (Зельман) Борисович (Маркович) еврей
Пилляр Роман Александрович (Ромуальд фон Пильхау) поляк
Леплевский Григорий (Израиль) Моисеевич еврей
Гоглидзе Сергей Арсеньевич грузин
Кацнельсон Зиновий Борисович (Борухович) еврей
Карлсон Карл Мартынович латыш
Звание комиссара ГБ 3-го ранга (генерал-лейтенант) получили:
Бокий Глеб Иванович украинец
Берман Борис Давыдович еврей
Каруцкий Василий Абрамович еврей
Николаев-Журид Николай Галактионович украинец
Дагин Израиль Яковлевич еврей
Дейч Яков Абрамович еврей
Бак Соломон Аркадьевич еврей
Решетов Илья Федорович русский
Погребинский Матвей Самойлович еврей
Сумбатов-Топуридзе Ювельян Давидович грузин
Люшков Генрих Самойлович еврей
Мазо Соломон Самойлович еврей
Зирнис Ян (Иван) Петрович латыш
Стырне Владимир Андреевич латыш
Пузицкий Сергей Васильевич русский

Сюда еще нужно добавить Фриновского Михаила Петровича, получившего армейское звание комкора – по национальности русского. В целом складывающаяся картина национального состава элиты госбезопасности при Ягоде не требует особых пояснений: среди 37 человек шесть русских и 19 евреев.

По каналам своей разведки Сталин был хорошо информирован, что затевают троцкисты и другие оппозиционеры, в руках которых до сентября 1936 года оставался практически весь репрессивный аппарат. Но после смещения Ягоды с поста наркома они, чувствуя, что терпят поражение, пошли на открытое предательство. Начались побеги за кордон, где сдавали целые

резидентуры. При этом для западной публики все это выставлялось как бегство от «кровавого сталинского режима».

Но на воре и шапка горит. Тот же Рейсс (Натан Маркович Порецкий), который готовил нелегалов, таких как Яков Блюмкин, Василий Зарубин, Шандор Радо и Рихард Зорге, попросил убежища в Париже и 17 июля 1937 года выступил во французских газетах с открытым письмом, обличавшим политику Сталина – по словам Рейсса, речь шла о массовых расстрелах. Но истина заключается в том, что совершенно секретный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» вышел только 30 июля 1937 года, а до этого ни о каких массовых репрессиях и речи не шло – но Рейсс о них знал! Так кто же являлся инициатором «большого террора»: сталинисты или революционеры-интернационалисты?

Ночью 4 сентября 1937 года в Швейцарии, на дороге из Лозанны в Пулли, был найден труп Рейсса. Его ликвидировала оперативная группа НКВД – ведь трудно себе даже представить, что было бы, если бы предатель успел выдать, например, Рихарда Зорге. Смертный приговор невозвращенцу привел в исполнение болгарский коммунист, разведчик-нелегал Борис Афанасьев (Атанасов). С конца 1936 года по конец 1938 года он провел ряд успешных операций, в результате которых оказалось возможным изъять весь архив Троцкого, а также старый и текущий архивы сына Троцкого. Кроме того, под руководством Афанасьева был изъят весь архив Международного секретариата по организации IV Интернационала, ставившего своей целью мировой пожар.

Но предательства адептов мировой революции на этом не закончились. Осенью 1937 года бежит Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзберг), высокопоставленный сотрудник ИНО. С 1938 года он проживал в США, где опубликовал книгу «Я был агентом Сталина». По данным историка спецслужб Александра Колпакиди, согласно рассекреченным документам британской разведки, Кривицкий выдал больше 100 советских агентов. 10 февраля 1941 года он был найден мертвым в гостинице «Беллвью» в Вашингтоне.

13 июля 1938 года бежит резидент НКВД в Испании Александр Орлов (настоящее имя Лейба Лазаревич Фельдбин). С 1924 года он работал в Экономическом управлении (ЭКУ) ОГПУ СССР, а уже в следующем году стал помощником начальника ЭКУ, причем этим начальником был его двоюродный брат – комиссар ГБ 2-го ранга Зиновий Борухович Кацнельсон. В сентябре 1936 года Орлов был направлен в Мадрид в качестве представителя НКВД СССР по связи с министерством внутренних дел республиканского правительства. Весной 1937 года его назначают также резидентом НКВД СССР в Испании. Орлов лично руководил ликвидациями троцкистов, анархистов и вообще всех неугодных. Но вскоре до него доходят слухи, что его родственник и покровитель Зиновий Кацнельсон был снят с поста заместителя начальника ГУЛАГа. А когда ему самому приказывают прибыть на советское судно «Свирь», стоявшее в Антверпене, на встречу со Шпигельгласом, который после смерти своего предшественника Абрама Ароновича Слуцкого исполнял обязанности начальника ИНО, Орлов запаниковал и на встречу не явился. Вместо этого он похитил из сейфа советского консульства на Авенида дель Тибидабо в Барселоне 90,8 тыс. долларов (примерно 1,5 млн долларов по нынешнему курсу) и 13 июля 1938 года бежал через Францию в США вместе с женой, также сотрудницей резидентуры, и дочерью. В последующем он представил дело так, что опасался быть отозванным в Москву и подвергнуться репрессиям. Но в действительности, как утверждают Борис Володарский и Александр Колпакиди, его никто не отзывал из командировки и относительно него не было никаких подозрений. Ему всего лишь собирались вручить орден Ленина...

На самом деле уход Орлова был инициирован еще более ужасным предательством в среде высокопоставленных чекистов, которое произошло ровно за месяц до этого. Утром 13 июня 1938 года у города Хуньчунь сдался маньчжурским пограничникам и попросил политического убежища в Японии ни много ни мало начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю

(ДВК), комиссар госбезопасности 3-го ранга Генрих Самойлович Люшков. И бежал он вовсе не из страха перед «массовыми расстрелами» – они его как раз обошли стороной. А вот сам он был рьяным организатором этих самых расстрелов и делал все, чтобы дестабилизировать внутреннюю политическую ситуацию и нанести максимальный урон безопасности советского государства.

Люшков, как и его покровитель Израиль Моисеевич Леплевский – выходец из бедной еврейской семьи. Последний, не имея образования, в 1929 году возглавил Секретно-политический отдел ГПУ Украины и забрал к себе Люшкова, а в 1931 году они оба вместе с Председателем ГПУ Украины Балицким оказались в Москве, где Балицкий стал заместителем Председателя ОГПУ СССР, Леплевский – начальником Особого отдела (ОО) ОГПУ СССР, а Люшков – помощником начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР, т. е. Ягоды.

Уже после своего бегства в Японию, 13 июля 1938 года, Люшков в интервью японской газете «Ёмиури симбун» заявил, что он «активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после кировского дела под руководством Ежова. ... Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали и все они были преднамеренно сфабрикованы. ... Обвинения в том, что троцкисты были связаны с германским гестапо, обвинения против Зиновьева и Каменева в шпионаже ... – полностью сфабрикованы. Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин и многие другие были казнены как враги Сталина, противодействовавшие его разрушительной политике». Но парадокс заключается в том, что, как выяснилось уже гораздо позднее, Люшков сам готовил покушение на Сталина и перешел к японцам, чтобы они помогли ему осуществить задуманное. Как же в таком случае можно утверждать, что все эти заговоры «мнимые» и «никогда не существовали»? А те, кого выгораживает предатель, скорее всего являются такими же предателями.

В самом деле, в 1978 году японский журналист Ёсиаки Хияма опубликовал документальное расследование «План покушения на Сталина. Эмпирический разбор тайного замысла японской армии», из которого следует, что Люшков предложил японцам план убийства Сталина и даже выразил готовность участвовать в этой операции. Как оказалось, эта мысль пришла ему в голову, когда после окончания Первого московского процесса по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Люшков был назначен начальником УНКВД по Азово-Черноморскому краю (АЧК). В Ростове-на-Дону в его обязанности, помимо прочего, входило обеспечение безопасности Сталина во время отдыха вождя в Сочи. Именно Люшков курировал строительство дачи Сталина в Мацесте. Он устранил практически все недочеты в системе охраны водолечебницы, однако оставил одну единственную лазейку, через которую можно было подобраться к Сталину – и теперь такой случай представился.

Японцы сразу же приступили к разработке операции «Медведь», которая, как теперь считается, была одной из самых реальных попыток убить Сталина. Готовились всерьез – на японской разведбазе в Чаньчуне выстроили копию водолечебницы, на которой отрабатывались все детали операции. О том, чтобы остаться в живых, не было и речи – в число исполнителей набирали только добровольцев-смертников из числа русских эмигрантов. В начале 1939 года группу, которую, по одной из версий, возглавил сам Люшков, перебросили сначала в Неаполь, а затем к советско-турецкой границе.

Поскольку Люшков хорошо знал систему охраны границы, диверсанты уверенно продвигались по одному из ущелий. Уже казалось, опасное позади – и в этот момент раздался шквальный пулеметный огонь. Трое диверсантов были убиты на месте, остальным удалось уйти. Как сообщает Анатолий Кошкин, «о провале теракта 29 января 1939 года написала английская газета “Ньюс Кроникл”: “Как сообщило агентство ТАСС, 25 января погранвойска Грузинской ССР уничтожили трех человек, пытавшихся перейти границу со стороны Турции. Эти трое – троцкисты, пользующиеся поддержкой фашистов. У убитых найдены пистолеты, ручные гранаты и подробные карты местности. Целью преступной группы было убийство Иосифа Висса-

рионовича Сталина, находившегося в Сочи. Однако пограничники заблаговременно узнали о преступном плане и истребили злоумышленников. Нарком иностранных дел Литвинов выразил решительный протест в связи с тем, что Турция сделалась базой антисоветских провокаций»«.

Некоторые источники утверждают, что операция «Медведь» была раскрыта советской контрразведкой благодаря агенту «Лео», с самого начала внедренному в диверсионную группу Люшкова. Возможно, это произошло благодаря информации Рихарда Зорге, который имел доступ к материалам по Люшкову. Дело в том, что шеф немецкой разведки Абвер адмирал Канарис сразу направил в Японию своего представителя, с которым японцы обещали поделиться полученными от Люшкова сведениями. Зорге удалось скопировать наиболее важные страницы и отправить их в Москву.

На фоне этих событий не такими уж неправдоподобными выглядят обвинения, выдвинутые против бывших покровителей Люшкова – Ягоды и Леплевского. Первого обвинили в связях с Троцким, Бухариным и Рыковым, организации троцкистско-фашистского заговора в НКВД, подготовке покушения на Сталина, государственного переворота и интервенции. По словам жены Люшкова, когда в середине мая 1938 года ее муж узнал об аресте Леплевского, то «было видно, что он очень волнуется. С тех пор он стал задумчив и замкнут». В Хабаровске у них дома бывали только Каган Моисей Аронович и Осинин-Винницкий Григорий Маркович. Как теперь известно, вместе они арестовали только на Дальнем Востоке 200 тыс. человек, 7 тыс. из которых расстреляли. Как сообщила жена, не было случая, чтобы Люшков чем-нибудь выказывал свою радость по поводу достижений Советской власти. Более того, в его отношении к Советской власти сквозила ирония. По ее словам, он был страшным карьеристом, лицемером, злопамятным и завистливым чиновником.

13 июня 1938 года в 5 час. утра двое маньчжурских пограничников в утреннем тумане обнаружили Люшкова на территории Маньчжоу-Го. Он сразу же поднял руки, затем достал два пистолета и бросил их. Его доставили в штаб, где он показал, что является начальником Управления НКВД по Дальневосточному краю, комиссаром госбезопасности Люшковым. Всех это поразило. Люшков сразу стал сообщать важные военные сведения, о чем незамедлительно передали в штаб Корейской и Квантунской армий. После этого Люшкова на самолете доставили в Токио и поселили в отдельном особняке в районе Кудан. Он получил должность старшего консультанта в секретном отделе, который занимался пропагандой, разведкой и психологической войной против СССР. По данным Ёсиаки Хиямы, Люшков принял участие в ликвидации закордонной агентурной сети советских спецслужб на Дальнем Востоке, лично участвуя в допросах корейцев, русских и китайцев, применяя при этом самые изощренные пытки.

В частности, Люшков раскрыл операцию «Маки-Мираж», которая проводилась с 1924 года и была направлена на дезинформацию японских спецслужб с помощью легендированной организации в Хабаровске. Операция «Маки-Мираж» завершилась внезапно – после того, как японцам о ней рассказал Люшков, главный чекист Дальнего Востока. Уже фактически шла Вторая мировая война, японская Квантунская армия громила китайцев и готовилась к нападению на Советский Союз. Когда же японцы узнали, что все это время чекисты водили их за нос, они решили проверить силы Красной Армии боем – и уже в июле 1938 года, через месяц после бегства Люшкова, ударили у озера Хасан. И лишь благодаря своевременной информации Рихарда Зорге о времени и месте нападения Красная Армия сосредоточила силы именно там, где они требовались. Бои были кровопролитными, но японцы поверили, что восточные рубежи Советского Союза надежно защищены. А вот если бы этот наскок увенчался успехом, то Великая Отечественная война могла бы начаться на три года раньше. Причем не на западе, а на востоке – и именно из-за Люшкова. Такова цена предательства.

14 августа 1945 года имперский генеральный штаб по приказу императора Хирохито объявил о капитуляции Японии, после чего 16 августа командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо приказал своей армии сдаться. Судьба Люшкова, который становился ненужным свидетелем, поскольку знал множество секретов японских спецслужб, теперь находилась в руках командующего Порт-Артуром, начальника штаба обороны Квантунского полуострова генерал-лейтенанта Гэндзо Янагита, который с 1940 по 1943 год возглавлял Японскую военную миссию в Харбине и был помощником начальника военной разведки Квантунской армии. Вердикт генерала Янагита был предельно жестким. В своем кратком разговоре с капитаном Такеока Юсаки он сказал: «Если Люшков откажется от самоубийства, необходимо его ликвидировать».

19 августа Люшкова вызвали в здание военной миссии в Дайрене. Как показал позднее на допросе Такеока Юсаки, «я стал вести разговор о том, чтобы он покончил жизнь самоубийством, указав на безвыходность создавшегося положения. Но Люшков отказался от самоубийства и опять настоятельно требовал создать ему условия для побега. Я предложил пойти вместе с ним в порт, якобы подыскать подходящее судно, на котором он мог бы уплыть в Китай. Спустившись со второго этажа, на ступеньках к выходу во двор я быстро зашел вперед и внезапно из имеющегося у меня браунинга выстрелил ему в левую сторону груди. Он упал. Это было примерно в 11 часов 30 минут вечера».

После этого Такеока распорядился добить раненого. Начальник разведывательного отделения миссии Аримица Кадзуо выполнил приказ: «Я взял... пистолет и выстрелом в висок добил этого человека насмерть». Сотрудникам миссии Такеока заявил, что «по приказу генерала Янагита был убит важный преступник, а сам этот факт является государственной тайной». Рано утром 20 августа 1945 года солдаты привезли в местный военный госпиталь замотанный в простыню труп. По распоряжению начальника госпиталя Иосимуры Фумио труп был кремирован. Урна с прахом была доставлена в военную миссию, а оттуда, по распоряжению Такеоки – в один из местных буддийских храмов.

Таким образом, вторую половину 1930-х годов в истории внешней разведки, ставшей 5-м отделом Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, с полным основанием можно назвать «эпохой великих провалов». В ходе расследования предательств и заговоров в высших эшелонах власти, лично Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) по т. н. «сталинским расстрельным спискам» было осуждено 44 893 человека, в т. ч. в период «большого террора» 1937–1938 годов – 43 768 человек. В основной своей массе это были руководители различных рангов, в том числе силовых структур, прежде всего РККА. В этот период было расстреляно 78 % членов ЦК ВКП(б), т. е. партийной элиты. Самой жесткой чистке подверглись органы НКВД.

17 ноября 1938 года вышло совместное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором говорилось: «Враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в тоже время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности, засевших в органах НКВД».

23 ноября 1938 года Ежов написал в Политбюро ЦК ВКП (б) и лично Сталину прошение об отставке, в котором признал себя ответственным за вредительскую деятельность врагов народа, проникших в НКВД и прокуратуру, брал на себя вину за многочисленные побеги разведчиков и высокопоставленных сотрудников НКВД за кордон – прежде всего Люшкова. 24 ноября 1938 года Ежов был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел СССР.

На следующий день, 25 ноября 1938 года, наркомом внутренних дел СССР был назначен Лаврентий Павлович Берия. С этого момента репрессивная политика Советской власти карди-

нально меняется. Ни о каком «большом терроре» речь больше не идет. Если за 1937 и 1938 годы было расстреляно 681 тыс. 692 человека, то в 1939 году по обвинению в контрреволюционных преступлениях были приговорены к высшей мере наказания 2 тыс. 600 человек, а в 1940 году – 1 тыс. 600 человек.

Результаты кадровой политики Берия выглядят весьма впечатляюще. Вначале посмотрим, как ситуация складывалась до его прихода. Согласно справочнику «Кто руководил НКВД. 1934–1941 годы», на момент создания НКВД СССР 10 июля 1934 года из 96 руководящих работников 37 (38,54 %) были евреями и 30 – русскими (31,25 %). Кроме того, насчитывалось 7 (7,29 %) латышей, 5 (5,21 %) украинцев, 4 (4,17 %) поляка, 3 (3,13 %) грузина, 2 (2,08 %) немца и еще ряд представителей других национальностей. В конце сентября 1936 года, т. е. в пиковый период активности Ягоды, когда его едва удалось остановить с помощью Ежова, из 110 руководителей НКВД СССР уже 43, т. е. почти 40 % были евреями. Среди остальных 33 (30,00 %) – русские, 9 (8,18 %) – латыши, 6 (5,45 %) – украинцы, 5 (4,55 %) – поляки, 4 (3,64 %) – грузины, 2 (1,82 %) – немцы и т. д.

На Украине ситуация складывалась еще более драматично. Как указывает Александр Север, здесь в 1935 году среди 90 высокопоставленных чекистов (т. е. тех, кто имел звание капитан ГБ и выше) евреев было 60 (66,67 %); русских – 13 (14,44 %); украинцев – 6 (6,67 %); латышей – 3 (3,33 %); поляков – 2 (2,22 %) и т. д.

После того, как наркомом внутренних дел был назначен Лаврентий Павлович Берия, ситуация радикально меняется. На 1 июля 1939 года среди 153 руководящих работников НКВД СССР насчитывалось уже 102 (66,67 %) русских, 19 (12,42 %) украинцев, 12 (7,84 %) грузин и только 6 (3,92 %) евреев при полном отсутствии поляков, латышей и немцев. На 26 февраля 1941 года картина была следующей: русских – 118 (64,84 %), украинцев – 28 (15,38 %), грузин – 12 (6,59 %), евреев – 10 (5,49 %), белорусов – 4 (2,20 %), нет данных – 4 (2,20 %), прочих – 3 (1,65 %), армян – 2 (1,10 %) и один латыш (0,55 %).

В результате проведенных чисток были арестованы бывшие начальники ИНО Трилиссер, Мессинг и Артузов (Фраучи). 17 февраля 1938 года скоропостижно скончался Абрам Слуцкий (существует версия его отравления), в октябре-ноябре 1938 года по обвинению в госизмене арестованы Пассов и Шпигельглас. В это же время из-за кордона для проверки с последующим арестом отзывают большинство сотрудников резидентур. Среди них резидент ИНО в Лондоне Адольф Сигизмундович Чапский (настоящие имя – Авраам Абба Давидович или Антон Вацлавович Шустер), сменивший его Григорий Борисович Графпен, руководитель лондонской нелегальной резидентуры Теодор Степанович Малли, резиденты в Париже Станислав Мартынович Глинский и Георгий Николаевич Косенко, руководитель нелегальной резидентуры в Риме Моисей Маркович Аксельрод, резидент в Берлине Борис Моисеевич Гордон, руководитель нелегальной резидентуры в Германии Файвель Калманович Парпаров, резидент в Вашингтоне Пётр Давидович Гутцайт, руководитель спецгруппы особого назначения (СГОН) при НКВД СССР Яков Исаакович Серебрянский, его помощник Альберт Иохимович Сыркин-Бернарди и многие другие. Всего в 1937–1938 годах из 450 сотрудников ИНО (включая заграничный аппарат) было арестовано 275 человек.

На высвобождающиеся места Лаврентий Павлович Берия расставляет не просто русских, а формирует специально подготовленную новую национальную элиту госбезопасности. В основном это были молодые сотрудники, выпускники Центральной школы (с 1939 года – Высшей школы НКВД), Школы особого назначения (ШОН) НКВД, межкраевых школ НКВД, а также молодые рабочие, комсомольские активисты, выпускники вузов. Этим людям отличали следующие принципиально новые качества:

1. Большинство из чекистов бериевского призыва были русскими, а также представителями других коренных народов России

2. Они выросли уже в советской стране, готовы были защищать завоевания русского социализма и были преданы лично Сталину

3. В отличие от первых чекистов, которые в основной своей массе не имели образования, новое поколение чекистов имело высшее образование, участвовало в индустриализации страны и было ориентировано на созидание нового мощного русского государства.

Наиболее ярким примером произошедшей кадровой революции является назначение начальником 5-го отдела (внешняя разведка) ГУГБ НКВД СССР Павла Михайловича Фитина, который стал первым русским на этом посту с момента создания внешней разведки в 1920 году. В самом деле, до него внешнюю разведку возглавляли армянский революционер Яков Давтян (1888 года рождения), еще один армянин Рубен Катанян (1880 г.р.), еврейский революционер, соратник Ленина, участник Октябрьской революции Соломон Могилевский (1885 г.р.), еврейский революционер-подпольщик Меер Трилиссер (1883 г.р.), который наладил работу закордонной части (резидентур) и привел с собой в разведку целую плеяду соплеменников, среди которых Блюмкин, Слуцкий, Агабеков, Бустрем, Шпигельглас, Минскер, Нейман, Мюллер, Рейсс, Гинзберг, Аксельрод, Герт, Маневич, Розенгольц, Розенцвейг, Фельдбин, Нестерович, Гольденштейн, Гольдберг и другие. Затем внешнюю разведку возглавил выходец из еврейской семьи музыканта и акушерки, председатель Московской и Петроградской ЧК (Ленинградского ГПУ) в 1921–1929 гг. Станислав Мессинг (1890 г.р.), после него Артур Артузов (Фраучи), имевший итальяно-латышско-эстонские корни (1891 г.р.), затем еврей Абрам Слуцкий (1898 г.р.), еврей Сергей Шпигельглас (1897 г.р.), еврей Зельман Пассов (1905 г.р.) и грузин Владимир Деканозов (Деканозишвили), родившийся в Баку в 1898 году. В момент смещения Ежова и прихода к руководству НКВД Лаврентия Павловича Берия (25 ноября 1938 года) короткое время с 6 ноября по 2 декабря 1938 года обязанности начальника внешней разведки временно исполнял Павел Судоплатов (1907 г.р.), по паспорту украинец.

Павел Михайлович Фитин пришел в элиту советской разведки, в том числе и к добычанию секретов по атомной бомбе, буквально «от сохи». Он родился 28 декабря 1907 года в тюменской глубинке – в селе Ожогино Шатровской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина-бедняка Михаила Илларионовича Фитина, который в 1920 году стал организатором одного из первых колхозов во всей губернии – а год спустя в составе коммунистического отряда бедноты сражался против кулацких банд. Его сын Павел уже в 15 лет стал комсомольцем и пионервожатым, в 20 лет его избирают членом Шатровского райкома комсомола. В следующем году он на перекладных отправляется в Тюмень на подготовительные курсы для поступления в ВУЗ. Эти курсы находились в Тюмени на улице Республики – на той же улице находился и Тюменский сельхозтехникум, в котором в том же 1927 году учился будущий легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов. Так что вполне возможно, что два этих земляка встречались и даже были знакомы, не подозревая, что станут великими разведчиками.

Осенью 1928 года Фитин поступил на инженерный факультет Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева в Москве – как раз в первый год Первой пятилетки, когда развернулась широкая индустриализация страны Советов. Достаточно сказать, что преддипломную практику в 1932 году Павел Фитин проходил на построенном за два года до этого Сталинградском тракторном заводе. Тем самым молодой специалист шагнул в ногу со временем. После окончания академии он работал инженером лаборатории сельскохозяйственных машин Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства, который был создан в 1930 году на базе факультета механизации и электрификации Тимирязевки и факультета электрификации Московского механико-электротехнического института. С октября 1932 по октябрь 1934 года – т. е. в годы Второй пятилетки – Фитин работал заведующим редакцией индустриальной литературы в издательстве «Сельхозгиз», а в ноябре 1936 года, после службы в армии, стал заместителем главного редактора этого издательства.

28 марта 1938 года Фитин был зачислен на службу в органы госбезопасности и направлен на учебу в Центральную школу НКВД СССР в Большом Кисельном переулке, а осенью того же года переведен на ускоренные курсы вновь созданной Школы особого назначения (ШОН) НКВД СССР. Как отмечал сам Павел Михайлович, «в октябре 1938 года я пришел на работу в Иностраный отдел оперативным уполномоченным отделения по разработке троцкистов и “правых” за кордоном, однако вскоре меня назначили начальником этого отделения. В январе 1939 года (по другим данным 1 ноября 1938 года. – А.В.) я стал заместителем начальника 5-го отдела, а в мае 1939 года возглавил 5-ый отдел НКВД. На посту начальника внешней разведки находился до середины 1946 года».

Такая головокружительная карьера 30-летнего Павла Фитина – менее чем за год он прошел путь от сельхозслужащего до начальника внешней разведки Советского Союза – объясняется не недостатком кадров «расстрельной разведки», а их реформой, направленной на создание первой национальной разведывательной службы, которая 26 февраля 1941 года стала называться 1-м Управлением НКГБ СССР – предшественником Первого Главного Управления (ПГУ) КГБ СССР.

Заместителем Фитина 10 мая 1939 года был назначен Павел Анатольевич Судоплатов, который с 1935 года находился на нелегальной работе в Германии, под легендой участника антисоветского националистического подполья на Украине был внедрен в Организацию украинских националистов (ОУН), проник в ближайшее окружение ее лидера Евгена Коновальца и 23 августа 1938 года по личному поручению Сталина ликвидировал Коновальца в Роттердаме, передав ему коробку конфет с заложенным в нее взрывным устройством.

Одновременно со своим назначением заместителем начальника внешней разведки Судоплатов получил задание возглавить операцию по ликвидации Троцкого. В своих воспоминаниях он пишет: «Вход в здание Кремля, где работал Сталин, был мне знаком по прошлым встречам с ним. Мы поднялись по лестнице на второй этаж и пошли по длинному безлюдному коридору, устланному красным ковром... Нас с Берией пропустил тот же офицер охраны <...> Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил: “Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну. У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с укреплением диктатуры пролетариата, – продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к вопросу, непосредственно касавшемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике. <...> Через десять минут по прямому проводу мне позвонил Берия и предложил: поскольку Эйтингон – подходящая кандидатура для известного мне дела, к концу дня он ждет нас обоих с предложениями. Когда появился Эйтингон, я рассказал о замысле операции в Мексике. Ему отводилась в ней ведущая роль. Он согласился без малейших колебаний. Эйтингон был идеальной фигурой для того, чтобы возглавить специальную нелегальную резидентуру в США и Мексике. Подобраться к Троцкому можно было только через нашу агентуру, осевшую в Мексике после окончания войны в Испании. Никто лучше его не знал этих людей. Работая вместе, мы стали близкими друзьями. Приказ о ликвидации Троцкого не удивил ни его, ни меня: уже больше десяти лет ОГПУ-НКВД вели против Троцкого и его организации настоящую войну».

Во исполнение приказа Сталина 9 июля 1939 года был доложен план агентурно-оперативных мероприятий по делу «Утка», в ходе которого агент Рамон Меркадер, завербованный резидентурой НКВД в Испании, которого с Эйтингоном связывала настоящая дружба, рано

утром 20 августа 1940 года в Мексике на вилле в Койокане нанес Троцкому удар ледорубом. Эйтингон, как было условлено, дожидался Меркадера снаружи виллы в своей машине с работающим двигателем. Однако в момент удара Троцкий повернулся и был только ранен. Он громко завопил, зовя на помощь. Ворвавшиеся в комнату охранники сбили Меркадера с ног. Поняв, что тому не уйти, Эйтингон был вынужден уехать. Троцкий умер на следующий день, а Эйтингон покинул Мексику, добрался до Кубы и только спустя шесть месяцев оказался в Москве.

17 июня 1941 года Берия вызвал Судоплатова и отдал приказ о создании Особой группы на базе внешней разведки для проведения диверсий в тылу у наступающих войск противника. Заместителем Судоплатова был назначен Эйтингон. Кроме того, Судоплатов обратился к Берия с предложением вернуть из мест заключения и вынужденной отставки чекистов, имеющих опыт диверсионной и партизанской работы, таких как Серебрянский, Медведев, Мордвинов и другие. Начиная с 26 июня на московском стадионе «Динамо» началось формирование войск Особой группы, которые 3 октября 1941 года были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) – спецназ госбезопасности. 18 января 1942 года приказом НКВД СССР № 00145 Особая группа при наркоме внутренних дел Берия была преобразована в 4-е Управление НКВД СССР, которое также возглавил старший майор ГБ, с 1943 года генерал-лейтенант Судоплатов.

Уже к началу осени 1942 года в тыл врага было заброшено 58 отрядов особого назначения. Как правило, они превращались затем в крупные партизанские бригады. За время войны было сформировано 212 отрядов и групп общей численностью 7316 человек, а также более 50 одиночных исполнителей. К числу основных задач относились: сбор разведывательных данных и информации военного, экономического и социально-политического характера; разрушение стратегических железнодорожных и шоссейных магистралей и других коммуникаций в прифронтовой зоне и в глубоком тылу противника, выведение из строя важных транспортных узлов; срыв железнодорожных и автоперевозок живой силы и техники противника на фронт; разрушение мостов, станционных сооружений; всяческое препятствие вывозу в Германию советских граждан, техники и награбленной немцами национальной собственности советского народа и имущества граждан; разгром военных, жандармских и полицейских гарнизонов; вывод из строя промышленных предприятий, электростанций, средств связи.

Общие итоги боевых действий ОМСБОН поражают всякое воображение – ни одно соединение Красной Армии не имело таких успехов. Было пущено под откос 1415 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, уничтожено 1232 паровоза, 13181 вагонов и цистерн с горючим, взорвано 335 железнодорожных и шоссейных мостов, выведено из строя 92,2 км рельсов и около 700 км телефонного кабеля. Было проведено 1084 боевых столкновения с противником, разгромлено 122 гарнизона, жандармских и полицейских управления, комендатур и штабов. В открытом бою и в результате диверсионных актов было уничтожено 136 тыс. солдат и офицеров противника. Было ликвидировано 87 высших чиновников оккупационных властей, 2045 фашистских агентов и пособников врага. 25 омсбонцев стали Героями Советского Союза и ещё двое – Героями России.

Во времена Андропова преемником ОМСБОН стала группа специального назначения Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР «Вымпел». Один из создателей этой группы, фронтовик, почетный сотрудник госбезопасности, полковник Иван Павлович Евтодьеv, которому в 1950–1953 годах довелось работать под руководством Павла Анатольевича Судоплатова, утверждает, что «Вымпел» был вершиной в очень нужной сфере деятельности для нашего Отечества. Но ведь и до него было много такого, чем можно гордиться. Взять, например, испанские события. Илья Григорьевич Старинов, его операции вошли в учебники спецслужб во всем мире. В Великую Отечественную войну такие личности, как генералы Судоплатов и Эйтингон в тяжелейших условиях создали крупное подразделение разведывательно-диверсионной деятельности, и заслуги их величайшие. Некоторые историки утвер-

ждает, что если брать стратегию, то в войну было три генерала, которые добились того, что мы победили. Это Жуков, Рокоссовский и Судоплатов. Причем Судоплатов с Эйтингоном воспитали целую плеяду Героев Советского Союза, которые действовали исключительно грамотно и исключительно полезно для страны – это и Ваупшасов, и Прокопюк, и Прудников, и Мирковский и многие другие. А такие личности, как Кузнецов, как Молодцов, как Лягин – этого никогда нельзя забывать и надо использовать в нашей повседневной работе».

После войны многие омсбоновцы продолжили службу во внешней разведке, став выдающимися разведчиками-нелегалами. Прежде всего это Вильям Генрихович Фишер (Рудольф Абель), о котором рассказывает сын Серебрянского – Анатолий Яковлевич: «Дядя Вилли был очень близок к отцу, был его подчиненным, и отец к нему очень хорошо относился. Фишер попал в группу отца еще до войны. Явно об этом нигде не пишут, поскольку принадлежность к “группе Яши” была глубоко засекречена, но отдельная информация всё же иногда просачивается... Когда отец в 1941 году вернулся на службу, он первым делом разыскал Фишера и снова взял его к себе в группу».

Вместе с Серебрянским Фишер участвовал в операциях «Монастырь» и «Березино» по проникновению в немецкую разведку Абвер с целью стратегической дезинформации немецкого командования. Как пишет Судоплатов, в Белоруссии «особо отличился В. Фишер, под видом немецкого офицера лично встречавший на полевом аэродроме диверсантов Скорцени». Был ли Фишер в ходе дальнейшей операции внедрен к немцам? Вполне возможно, и на это указывает фраза, брошенная в фильме «Мёртвый сезон» (1968), сценарий которого был написан на основе материалов, предоставленных КГБ СССР:

- Константин Тимофеич... Вы случайно не были в партизанах?
- Н-нет, не приходилось.
- А на каком фронте вы служили?
- Я при главном штабе служил. Шифровальщиком.
- Кто там у вас заправлял?
- Генерал Гальдер, а потом Йодль... Я ведь при немецком штабе служил...

В любом случае, когда Фишер был направлен по линии нелегальной разведки в США восстанавливать агентурные сети атомной разведки, порушенные в результате предательства Элизабет Бентли, поддержку с территории Южной Америки ему оказывали товарищи по ОМС-БОН – Африка де лас Эрас, которая в отряде Медведева «Победители» отвечала за передачу в Центр информации, поступавшей от Николая Ивановича Кузнецова, действовавшего под видом немецкого офицера Пауля Зиберта, и Михаил Иванович Филоненко – комиссар отряда Карасёва «Олимп», в котором помощником командира по разведке был знаменитый Алексей Николаевич Ботян.

Беда пришла неожиданно и оттуда, откуда ее не ждали. 26 июня 1953 года Хрущёвым вместе с группой военных был совершен государственный переворот, в результате которого были уничтожены лучшие кадры разведки, и прежде всего тот, кто их создавал – Лаврентий Павлович Берия. Сотни чекистов были расстреляны, осуждены или уволены по «служебному несоответствию» – среди них генералы Судоплатов, Эйтингон, Дроздов, супруги Зарубины. Серебрянский умер на допросе в Бутырской тюрьме, генерал-лейтенант Амаяк Кобулов был расстрелян, полковник Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина сослана в Воркуту. Гайк Бадалович Овакимян – автор агентурной операции «Энормоз» по проникновению в американские секреты атомной бомбы, лично завербовавший супругов Розенберг, в 1954 году решением ЦК КПСС был лишен воинского звания генерал-майора. Создатель национальной разведки, генерал-лейтенант Павел Михайлович Фитин был уволен из органов «по служебному несоответствию» – без пенсии, так как не имел необходимой выслуги лет... Подполковник Семён Маркович Семёнов, выпускник Массачусетского технологического института, создавший целую разведывательную сеть в США и первым установивший расположение ядерного центра в Лос-

Аламось в августе 1953 года был вышвырнут из органов без пенсии и с трудом нашел место кочегара на текстильной фабрике. Главный контрразведчик страны, а затем и начальник внешней разведки Пётр Васильевич Федотов был уволен в запас «по служебному несоответствию» и 23 мая 1959 года постановлением Совета министров СССР лишён звания генерал-лейтенанта, исключен из партии и вскоре умер. Когда 30 июня 1953 года пришли за бывшим начальником 3-го Управления НКГБ СССР, генерал-лейтенантом Мильштейном, то он, уже в ранге заместителя министра внутренних дел Украинской ССР, оказал вооруженное сопротивление: стал стрелять через дверь, убив и ранив несколько оперативников, и сам погиб в завязавшейся перестрелке. Командующий войсками НКВД СССР, а затем и МВД, Герой Советского Союза, кавалер четырех орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды, ордена Суворова I степени, двух орденов Кутузова I степени, генерал армии Иван Иванович Масленников не стал дожидаться, пока за ним придут, и 16 апреля 1954 года застрелился сам. 19 декабря 1954 года на Левашовской пустоши в Ленинграде был расстрелян легендарный начальник «Смерш», генерал-полковник Виктор Семёнович Абакумов, которому также вменили соучастие в «банде Берия». В конце того же 1954 года от сердечного приступа умер бывший командир отряда «Победители» 4-го Управления НКВД СССР, Герой Советского Союза, полковник Дмитрий Николаевич Медведев, которому было 55 лет. По словам его сына Виктора Дмитриевича Медведева, последнее время перед смертью отца их квартира в Москве была переполнена сослуживцами Дмитрия Николаевича с Западной Украины, спасавшимися от репрессий... Голову во всю поднимали националисты, и это началось сразу после прихода к власти Хрущёва.

Суд над Эйтингоном, арестованным еще в 1951 году и «ошибочно и преступно» выпущенным Берией в 1953 году, состоялся только в 1957 году. Его приговорили к 12 годам лишения свободы. «Вы судите меня как “человека Берии”, – сказал он в своём последнем слове. – Но я не его человек. Если я чей-то, тогда считайте меня “человеком Дзержинского”. Но если быть более точным, то я человек Партии. Я выполнял её задания. И государственные. И с вами я о них говорить не буду».

Павел Анатольевич Судоплатов получил 15 лет тюрьмы, чудом избежав расстрела. С Эйтингоном они встретились во Владимирском центре. Сюда же Хрущёв на целых 8 лет упрятал и Василия Сталина, одного из самых популярных летчиков времен войны. Василий Сталин содержался во Владимирском центре под фамилией Васильев. Убили его в Казани, куда он был сослан позже... Ему предложили, как и сестре, отказаться от фамилии отца Джугашвили, на что он не согласился.

Иван Павлович Евтодьева вспоминает, как впервые увидел Судоплатова после его освобождения: «Один товарищ подходит ко мне в Клубе Дзержинского: “Палыч, П.А. пришел! Вон там в вестибюле его окружили”. Иду туда, пробиваюсь плечом через кольцо. Действительно, стоит Павел Анатольевич. Сильно изменился. Вдруг он повернулся и посмотрел на меня. Я говорю: “Здравствуйте, Павел Анатольевич!” – “Здравствуйте! Узнаю, узнаю. Вы пришли к нам в 1951-м? И мы Вас сразу отправили – забыл, куда”. Я говорю: “Точно, в Австрию!” – “А в опере были?” Я хотел было сказать, что опера тогда была разрушена. Но, видимо, он сам вспомнил, и ему стало неловко. Тут сын его Анатолий плечом толкает меня: «Не надо, чтобы он вспоминал»...»

Это было время ренессанса внешней разведки, начало которому положило назначение 18 мая 1967 года Юрия Владимировича Андропова на пост Председателя КГБ СССР. Три предыдущих председателя были прямыми ставленниками Хрущёва и оказались на этом месте явно случайно. Так, по мнению помощника Андропова, фронтовика и опытного следователя, генерал-майора Николая Владимировича Губернаторова, «в работу разведки и контрразведки Семичастный не вникал, подготовкой и обновлением кадров не занимался... Начались громкие провалы в разведке. А когда Светлана Аллилуева бежала в США и объявила там о публи-

кации написанных ею мемуаров, в ЦК КПСС решили Семичастного снять с должности Председателя КГБ и отправить на Украину заместителем главы правительства. Чекисты восприняли назначение Ю.В. Андропова с нескрываемым удовлетворением и надеждой, так как знали о его участии в партизанском движении и мужественном поведении в Венгерских событиях 1956 года. Надо сказать, Юрий Владимирович сполна оправдал наши надежды. Будучи его помощником с начала 1976 по 1982 год, я мог воочию видеть те положительные сдвиги и преобразования, которые он проводил в Комитете государственной безопасности».

На своей первой встрече с начальником ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР генерал-полковником Александром Михайловичем Сахаровским Юрий Владимирович попросил не просто рассказать о текущих делах, но представить долгосрочную стратегию по линии разведки, направленную на повышение эффективности внешней политики. После продолжительной паузы Сахаровский, как бы размышляя вслух, сказал:

– К сожалению, внешняя разведка до сих пор не оправилась от чисток и потрясений, имевших место после ареста Берии и его приближенных. Из разведки одних уволили, многих арестовали по необоснованным подозрениям – только за то, что они работали под руководством Берии по атомной проблематике, кризисной ситуации в ГДР. Были арестованы крупные руководители – П.А. Судоплатов, Л.Н. Эйтингон и другие мастера-аналитики в области разведки. У нас нет глубоких аналитиков, способных обобщать, предвидеть и прогнозировать развитие событий. Необходимо сформировать при руководителе Главка специальную аналитическую группу...

– Несомненно, это следует сделать, не откладывая, – заметил Андропов. – Однако это не кардинальное решение проблемы. В современных условиях в качестве такого решения я вижу создание научно-исследовательского института разведывательных проблем, который мог бы работать, например, по проблемам разоружения, переговорам с американской стороной. Или взять перспективы воссоединения Германии: возможно ли оно, когда и на каких условиях, с какими последствиями. По моим прогнозам, эта проблема быстро назревает.

– Создание такого НИИ было бы идеальным для разведки. Только вот где его разместить?

– Я планирую улучшить условия работы путем строительства новых зданий. Этот вопрос я обговариваю с Л.И. Брежневым и добьюсь его рассмотрения на Политбюро.

– Считаю, – продолжал Андропов, – для Вашего Главка надо спроектировать комплекс зданий за городом, вместе с отдельным зданием для НИИ разведывательных проблем. В проекте следует предусмотреть все удобства жизнеобеспечения, а также возведение коттеджей для преподавательского состава.

Кроме того, 19 марта 1969 года закрытым постановлением Совета Министров СССР прошло организационное оформление Курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС) в составе Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. В том же году для них был выделен сверхсекретный объект, расположенный на 25-м километре Горьковского шоссе, где располагалась знаменитая Школа особого назначения (ШОН). Принимая это решение, высшее политическое руководство СССР исходило из того, что в условиях «холодной войны» вокруг советских границ США и НАТО создали более пятисот военных баз, нацеленных на перевод войны из «холодной» фазы в «горячую». Кто должен был отражать эту угрозу? Армия для этого не подходит – это последний аргумент. Решение подсказали события в Чехословакии 1968 года, а за основу был взят опыт 4-го Управления НКВД СССР Павла Анатольевича Судоплатова, в оперативном подчинении которого находилась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения – знаменитый ОМСБОН, самое эффективное воинское формирование периода Великой Отечественной войны, представлявшее собой кадровый резерв сил спецопераций в тылу противника. Такими же резервистами на особый период стали слушатели КУОС. Это были действующие сотрудники территориальных управлений КГБ СССР, которые за 7 месяцев овладевали на КУОС навыками разведки и могли передавать шифротелеграммы по рации,

минировать и качественно подрывать объекты взрывчаткой собственного изготовления, владели тактикой боя малыми группами, получали языковую подготовку. Слушатели обучались в реальных боевых условиях, с обозначенным противником, в экстремальных ситуациях. Их учили переносить жару, терпеть голод, действовать ночью, спать на снегу. После этого выпускники зачислялись в спецрезерв КГБ, продолжая службу там, откуда они были командированы.

События в Афганистане полностью подтвердили правильность данной концепции подготовки оперативно-боевых групп внешнеполитической разведки КГБ СССР. Многие выпускники КУОС прекрасно зарекомендовали себя при выполнении интернационального долга и в других странах и были награждены высокими наградами Родины. В 1981 году на базе КУОС по инициативе начальника Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова в составе 8-го отдела этого управления была создана группа специального назначения «Вымпел», которая действовала уже на постоянной основе и стала кадровым боевым профессиональным подразделением, разведкой специального назначения.

Все складывалось как нельзя лучше – однако перемены стали ощущаться сразу после перехода Андропова в ЦК КПСС в 1982 году и особенно после его преждевременного и необъяснимого ухода в 1984 году. Прежде всего следует отметить, что у Андропова была так называемая «малая Коллегия». Обычно эти совещания он проводил в столовой за обедом, где ровно в 13.30 собирались все пять его заместителей. На этих совещаниях Андропов отработывал, обсуждал и решал крупные стратегические вопросы. Протокол «малой Коллегии» вел Николай Владимирович Губернаторов.

Зампредами, оставшимися от предыдущего председателя, были первый заместитель, генерал-полковник Николай Степанович Захаров, и генерал-майор Лев Иванович Панкратов. Два других заместителя Семичастного – начальник Второго Главка, генерал-лейтенант Сергей Григорьевич Банников и бывший председатель КГБ при СМ Белорусской ССР, генерал-лейтенант Александр Иванович Перепелицын лишились своей должности в июле-августе 1967 года. Вскоре после своего назначения Андропов пригласил работать одним из своих замов Ардалиона Николаевича Малыгина, который до этого был заведующим сектором органов госбезопасности Отдела административных органов ЦК КПСС. Еще два зама, генерал-майор Семён Кузьмич Цвигун и генерал-лейтенант Георгий Карпович Цинёв были рекомендованы непосредственно Брежневым. Вместе с Малыгиным они заняли смежные кабинеты на 4-м этаже в здании на Лубянке. Еще одним замом Андропова 4 сентября 1968 года был назначен также фронтовик, прошедший всю войну с первого дня до последнего, полковник, затем генерал-майор Виктор Михайлович Чебриков.

Как видим, вырисовывается интересная закономерность – среди «мозгового штаба» Андропова нет ни одного представителя ПГУ, да и вообще разведчика – если не считать, что Цвигун, впоследствии первый заместитель Андропова, в 1942 году действовал по линии 4-го Управления НКВД Судоплатова и занимался организацией партизанских отрядов, хотя затем был переведен в контрразведку «Смерш».

Лишь в 1978 году зампредом Андропова стал начальник ПГУ Владимир Александрович Крючков, который 1 октября 1988 года становится Председателем КГБ СССР. С этого момента роль разведчиков в руководстве КГБ стала стремительно возрастать. Зампредом стал новый начальник ПГУ Леонид Владимирович Шебаршин, а Второй Главк (контрразведку) возглавил бывший заместитель начальника ПГУ профессиональный разведчик Виктор Фёдорович Грушко, который даже стал первым заместителем Председателя. Начальником Аналитического управления КГБ СССР и членом Коллегии КГБ СССР был назначен еще один заместитель начальника ПГУ, профессиональный разведчик Николай Сергеевич Леонов. Начальником Секретариата КГБ СССР стал начальник Службы № 1 ПГУ профессиональный разведчик Александр Николаевич Бабушкин. Этот список можно продолжать.

17 июня 1991 года на закрытом заседании Верховного Совета СССР Крючков озвучил секретную записку Андропова «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан», датированную 1977 годом. В записке говорилось, что «американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку». В записке подчеркивалось, что основное внимание ЦРУ будет обращено на советских граждан, «способных по своим личностным и деловым качествам в перспективе занять важные административные должности в партийном и советском аппаратах».

Существовал и список агентов влияния – это так называемый «Список 2200» или «Список Крючкова». Именно столько в нем фигурировало фамилий. Во главе списка, о чем можно догадаться по свидетельствам генерал-лейтенанта Николая Сергеевича Леонова и генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова, находились имена А.Н. Яковлева и Э.А. Шеварднадзе. Оставалось «огласить весь список» и приступить к арестам. Почему этого не произошло?

Ведь ситуация развивалась стремительно, агенты влияния уже действовали открыто. К июлю 1991 года их усилиями в стране был создан искусственный дефицит товаров, особенно в магазинах. Еда, одежда, табак, водка – исчезло всё, и мы это хорошо помним. Зная о ситуации, Горбачёв и Крючков продолжали молчать. Впоследствии Комиссия по рассекречиванию документов КПСС обнаружила в архивах более десяти тысяч гневных телеграмм с выражением недоверия Политбюро и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС с требованием проведения внеочередного съезда партии. Этот съезд стал бы для Горбачёва последним, причём простой отставкой он бы не отделался. Поэтому у Горбачёва и его окружения оставался единственный выход – ликвидация КПСС. Для этого и понадобился ГКЧП.

Конечно ГКЧП был провокацией, задуманной Крючковым и согласованной с Горбачёвым. Бывший премьер-министр СССР Валентин Павлов в 1996 году в интервью газете «Правда» указал, что «персональный состав комитета своей рукой написал сам Горбачёв». Он знал, что будущие члены ГКЧП 17 августа собрались на «объекте АБЦ» (служебная дача КГБ) и позвонил туда Крючкову, чтобы дать последние наставления.

Заместитель начальника УКГБ по Москве и Московской области, генерал-майор Виктор Кузьмич Кучеров 19 августа возглавил оперативный штаб. По его указанию в горрайорганы 19 августа была направлена шифротелеграмма «об уточнении наличия печатной базы, кабельного телевидения и взятия на контроль их работы». Группы сотрудников службы «З» УКГБ были направлены для доставки уведомлений в издательства о закрытии некоторых центральных, московских городских и областных изданий. Начальнику отделения Службы «З» А.И. Рязанову были даны указания о локализации деятельности радиостанции «Эхо Москвы».

Заместитель начальника УКГБ по Москве и Московской области, генерал-майор Александр Борисович Корсак осуществлял координацию действий с воздушно-десантными войсками по блокированию Моссовета, Останкинского телецентра, Госбанка и Гохрана СССР.

Начальник 7-го Управления (наружное наблюдение) КГБ СССР, генерал-лейтенант Евгений Михайлович Расщепов 18 августа в 14 часов лично вручил группе руководителей подразделений наружной разведки списки и дал указание срочно взять под наружное наблюдение 63 человека, среди которых Руцкой, Хасбулатов, Бурбулис, Попов, Лужков, Яковлев, Шеварнадзе, Шахрай, Станкевич. 17 августа перед возвращением президента РСФСР Ельцина из Алма-Аты генерал-лейтенант Расщепов совместно с начальником группы «А» («Альфа») 7-го Управления КГБ СССР, Героем Советского Союза, генерал-майором Виктором Фёдоровичем Карпухиным изучал условия для проведения мероприятий по возможному задержанию Ельцина в аэропорту «Чкаловский». Расщепов лично выезжал на место и поставил задачу подготовить

для этого 25–30 сотрудников группы «Альфа». На следующий день аналогичные мероприятия проводились по комплексам «Сосенки-4» и «Архангельское-2». По особому указанию Расщепова силами наружного наблюдения 18 августа фиксировались прилет Ельцина в аэропорт Внуково и прибытие его на дачу в поселок «Архангельское-2».

Однако Крючков не дал команду на задержание Ельцина, позволив ему утром 19 августа выехать с дачи в Архангельском и беспрепятственно добраться до Белого дома. Вот как вспоминает об этом президент Международной Ассоциации ветеранов подразделения анти-террора «Альфа» полковник Сергей Алексеевич Гончаров: «Карпухин сообщил в штаб о том, что мы на месте и готовы выполнить приказ. Последовала команда, и я это отчетливо услышал: “Ждите указаний!” Начало светать. Я говорю Карпухину: “Фёдорыч! Ты доложи в штаб – рассвет скоро”. Опять команда: “Ждите! Свяжитесь позже”. Наш командир взял на себя ответственность: “А что ждать-то!” И мы передислоцировались в деревню, находившуюся рядом с Архангельским. Грибники пошли... Люди, увидев бойцов в необычной форме – в “сферах” и с оружием в руках, были напуганы и стали от нас шараться, возвращаться домой.

Как я понял, информация дошла до Коржакова. Говорю: “Фёдорыч, звони опять! Все понимают, что нас уже расшифровали!” Карпухин выходит на руководство. Ему формулируют новый приказ: “Выдвигайтесь на позиции варианта № 2” – это по захвату в момент выдвижения. Снимаем ребят, садимся опять в машины и выдвигаемся километра на два, начинаем маскироваться. ... Проработали операцию, как блокировать выдвижение, и Карпухин доложил о готовности. Было 6 часов – светло, все видно, в Москву поток машин идет. Из штаба опять: “Ждите указаний, будет приказ!”

К 7 часам к Архангельскому начали стягиваться служебные машины с охраной. Видим, какие-то большие чины. Ладно, послали нашу разведку. Оказывается, это прибыли Хасбулатов, Полторанин и кто-то еще. Докладываем. Нам опять: “Ждите указаний!” Все! Мы не понимаем, что от нас хотят и как проводить операцию!

Где-то около 8 утра разведчики сообщают: “Колонна – два бронированных ЗИЛа, две “Волги” с охраной Ельцина и прибывших туда лиц выдвигается на трассу. Готовьтесь к операции!” Карпухин звонит в очередной раз в штаб и слышит: “Ждите команды!” – “Что ждать, колонна через пять минут проедет!” – “Ждите команды!” Когда мы уже их увидели, Фёдорыч опять сдерживает трубку. Ему опять: “Ждите команды!”

После того, как кортеж Ельцина на большой скорости проследовал мимо нас, Карпухин снимает трубку: “Что теперь делать?” – “Подождите, мы перезвоним!” Буквально через пять минут: “Возьмите частью ваших офицеров под охрану “Архангельское”. – “Зачем?!” – “Выполняйте, что вам сказали! Остальные – в подразделение!”».

Газета «Бизнес Online» со ссылкой на Telegram-канал «Незыгарь» пишет 8 декабря 2019 года: «Американские спецслужбы находились в активном контакте с высокопоставленными сотрудниками ПГУ; активно в налаживании контактов с окружением самого Ельцина им помогало американское посольство. Вероятно, что об этих контактах знал и председатель КГБ Крючков, сам выходец из ПГУ. Интересно, что в самом ПГУ и в центральном аппарате КГБ произошёл раскол на западников и восточников. Первые были ориентированы на Запад и контакт с Америкой; вторые – на Пекин и на страны Ближнего Востока. <...> Считается, что основным инициатором и разработчиком проекта 19 августа был глава КГБ Крючков. Мало кто из членов ГКЧП понимали смысл проекта. Позднее всю суть провокации осознали министр обороны Язов (который срочно отозвал войска из Москвы) и министр внутренних дел Пуго (он застрелился). Возможно, что точкой начала операции стало 17 июня 1991 года, когда Крючков провёл элементарную операцию прикрытия (заявив о сети агентов влияния) и потребовал особых сверхполномочий для КГБ. С этого момента создавалась вся инфраструктура провокации 19 августа, направленная на слом СССР. При этом Крючков, группа Питовранова-ПГУ явно опасались своих оппонентов из контрразведки и ГРУ. Контрразведка и ГРУ активно пыта-

лась вычищать сторонников переформатирования СССР. Но последние занимали практически основные места в коллегии КГБ СССР. В январе 91-го произошла чистка сотрудников Бобкова, а самого его отправили в отставку. <...> Контроль за событиями в Москве перехватывали партнеры из ПГУ и группы Питовранова. Ельцина толкали во власть, хотя он был совершенно не готов для такой миссии».

Telegram-канал «Незыгарь» под шапкой «Нарративы» пишет про выбор между Горбачёвым и Ельциным, отмечая, что Валентин Юмашев в своих ретроспективных выступлениях наговорил лишнего про связь «Семьи» с ПГУ и участие внешней разведки в операциях ЦРУ в России по смене власти в тот период. После интервью Юмашева в украинской прессе вышел материал о том, что все руководство либеральным и оппозиционным «Ельцин-Центром» связано с ПГУ.

Считается, что Горбачёв был блокирован «путчистами» на госдаче № 11 в крымском поселке Форос (объект «Заря»). Однако проживающий в Дюссельдорфе журналист Григорий Крошин приводит слова участника тех событий, народного депутата РСФСР Владимира Лысенко. Согласно его данным, 21 августа в 17 часов на президентскую дачу прибыла делегация ГКЧП. Сам Лысенко прибыл туда чуть позже в составе другой делегации, которую по поручению Ельцина возглавили вице-президент РСФСР Руцкой и премьер-министр Силаев. В это время вице-президент СССР Янаев уже подписал указ, в котором ГКЧП объявлялся распущенным, а все его решения недействительными.

Руцкой, как он сам рассказал изданию «Sputnik Беларусь» 18 августа 2016 года, немало удивился, когда встретил у ворот двух членов ГКЧП: председателя КГБ СССР Владимира Крючкова и министра обороны СССР Дмитрия Язова. «Я подошел к ним и спросил: “А что вы стоите здесь и не заходите?” Они говорят: “Так нас туда не пускают”. Я думаю, как это так, он арестован, а министра обороны и председателя КГБ не пускают», – поделился своими воспоминаниями Руцкой. Он также опроверг устоявшийся факт, что Горбачев в Форосе был лишен связи с внешним миром. «Мы пришли на дачу, видим Горбачева, он был, правда, небрит, в пуловере, начал нам рассказывать, что у него связи нет. Я подошел к телефону, снял трубку, отвечает коммутатор. Я попросил соединить с Ельциным, меня соединяют. Ельцин сказал везти Горбачева в Москву», – рассказал Руцкой.

А теперь слово Владимиру Лысенко:

– Как вел себя Крючков?

– Крючкова близко я увидел уже тогда, когда была отдана команда «по машинам». Тут для меня была неожиданность: там стояло несколько черных машин, и я думал, что все их займет команда Горбачева, семья его, охрана, но... Вижу, что к одной из этих черных машин идет... Крючков! Причем кто-то из охранников, смотрю, любезно так провожает его к машине, и он садится в нее один, без какой-либо еще охраны. То есть в той же свите, в которой ехала команда Горбачева, ехал и Крючков... Все остальные преступники, видимо, ехали за нами в другой машине.

22 августа в 00:04 Горбачёв возвращается из Фороса в Москву вместе с Руцким, Силаевым и Крючковым на самолете Ту-134 руководства РСФСР.

– Как вы возвращались в Москву?

– Я летел в российском самолете. По прилету Силаев вышел через задний люк (а передний был пока закрыт), чтобы выяснить, какова ситуация на аэродроме. Я шел через этот люк последним и мог наблюдать, как в салоне подошел к Крючкову один человек в штатском из охраны Горбачева и еще двое в военной форме – из команды Руцкого и объявили: «Вы арестованы, просьба следовать за нами». Крючков безвольно встал с кресла и, совершенно не сопротивляясь, покорно пошел за ними. По словам многих, Крючков был одним из самых умных из всей бравой восьмёрки.

В 2009 году в программе «В гостях у Дмитрия Гордона» первый мэр Москвы Гавриил Попов рассказал об «интригах консерваторов вокруг Ельцина». По его словам, «Крючков Владимир Александрович хотел, чтобы Ельцин стал президентом» – «Крючков? Хотел заменить Горбачёва на Ельцина?» – «Да, совершенно верно. И это был самый правильный ход, который они могли придумать» – «Так это был план КГБ?» – «Да. Они же Ельцина не тронули, вы же заметили» – «Конечно» – «А почему не тронули? Потому что они должны были его ввести в игру, если у них бы начало не получаться. Но тут под нашим нажимом Ельцин принял решение совершенно на мой взгляд блестящее и дальновидное. Он объявил, что он будет бороться за возвращение Горбачёва» – «Коржаков знал, что у Крюčkова такой план?» – «Я думаю, да. Я не могу точно сказать конкретно, знал ли лично Коржаков. Но что Борис Николаевич знал – это несомненно. При мне было два разговора» – «С Крючковым?» – «Даже в бункере. Борис Николаевич снял трубку и набрал телефон Владимира Александровича: “Вы нас скоро уничтожите?” А тот сказал: “Что за чушь. Штурма не будет”» – «И после этого Крюčkова посадили в тюрьму. Где логика?» – «Какая логика? Его оставили в живых. Всё нормально».

В 2010 году Гордон в той же программе спросил уже самого Горбачёва: «Недавно Гавриил Попов сказал мне, что Крючков намечал Ельцина вместо Вас. И Ельцин об этом знал. Но в последний момент он всё-таки сыграл – и Вы подтверждали это – решающую роль в разгроме ГКЧП. Вероятно ли такое, что Крючков хотел, чтобы Ельцин занял пост Президента Советского Союза?» – «Когда дело дошло до того, что программа есть, Договор уже на подписание 20 августа поставлен, основные направления как бы проработаны, и страна движется в этом направлении, на путях демократизации – то в партии самые тогда и разыгрались страсти... Были несколько пленумов, где выдвигали вопрос о том, что Горбачёв должен уйти... Но ничего у них в открытой политической борьбе не получилось. Правда-то была на чьей стороне?» – «Михаил Сергеевич, мог Крючков выставить Ельцина на пост Президента Советского Союза?» – «Он пытался. Логически это: когда с Горбачёвым не получается, и реальным лицом, действующим, имеющим власть большую в руках, был Ельцин – то к нему подбрасывали эту идею» – «Это была спецоперация?» – «Слишком это высокое название»...

Как представляется, сговор Горбачёва и Крюčkова с целью ликвидации КПСС и продвижения Ельцина достаточно очевиден. Рядовые коммунисты и сотрудники КГБ СССР здесь ни при чем. Их, как говорил Штирлиц, держали за болванов в старом польском преферансе. При этом для самого Крюčkова ситуация вышла из-под контроля, и он неожиданно-негаданно оказался в «Матросской тишине» по статье 64 УК РСФСР «Измена Родине». Правда, в отличие от всех предыдущих арестованных руководителей советских органов госбезопасности, Крюčkова не расстреляли. В январе 1993 года он был освобожден под подписку о невыезде, а в феврале 1994 года амнистирован. Решили, видимо, что в сравнении с Берией или Абакумовым не та фигура. По словам Маркса, «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса».

Советская внешняя разведка на Дальнем Востоке в 1920 – 1922 гг

Шинин О.В.,

д. и.н., профессор кафедры истории факультета социологии, экономики и права МГПУ

В 1920 г. на территориях РСФСР к востоку от озера Байкал была образована Дальневосточная республика. Создавая буферную республику, партийно-политическое руководство РСФСР решало основополагающую задачу – не допустить прямого военного столкновения с Японией, а также намеревалось при помощи ДВР добиваться международного признания советского государства.

С образованием ДВР разведывательную работу в отношении Китая, особенно Маньчжурии, Монголии, Кореи и Японии вели иностранное отделение при полномочном представительстве ВЧК в ДВР и Главное управление Государственной политической охраны ДВР.

Полпредство ВЧК и ГУ ГПО засылали на территорию Китая и Монголии штатных сотрудников и агентов по нелегальным каналам, в том числе и агентов-вербовщиков, которые приобретали осведомителей из местных жителей и представителей белой эмиграции, создавали небольшие агентурно-осведомительные группы.

Помимо этого, с декабря 1921 г. в Пекине под прикрытием представительства РСФСР во главе с А.К. Пайкесом действовала резидентура Иностранного отдела ВЧК. В этом же году ГУ ГПО организовало резидентуры на ст. Маньчжурия и в г. Харбине.

Основное внимание резидентур в Китае было направлено на сбор информации об организациях российской эмиграции и белогвардейских формированиях на территории Китая, выявление и пресечение их подрывной деятельности против ДВР и РСФСР, а также на выяснение военных планов Японии и объемов сотрудничества японских военных с военно-политическими группировками Китая.

Кроме этого, как свидетельствуют архивные документы, приоритетной для разведывательных органов являлась задача обеспечения внешнеполитической деятельности ДВР и РСФСР.

Резидентуры внешней разведки проводили весьма активную деятельность. Добывалась значимая, в том числе документальная, информация, проводились активные мероприятия по разложению эмиграции и ликвидации вожаков белогвардейских отрядов, обезвреживанию перебрасываемой в пределы ДВР агентуры японской и других иностранных разведок.

Резидентура ГПО в Харбине имела ценную агентуру как по белогвардейским, так и по китайским и японским объектам. В эти годы резидент И.И. Ангарский привлек к сотрудничеству И.Т. Иванова-Перекреста, сыгравшего позже ключевую роль в добывании особо важных документальных материалов харбинской японской военной миссии.

С февраля по октябрь 1921 г. резидентом ГПО на ст. Маньчжурия был С.И. Силкин. Он являлся содержателем явочного пункта для приезжавших партийных работников, представителей Коминтерна, секретных сотрудников военной разведки и ГПО, оказывал им разнообразное содействие, в том числе и материальную помощь¹.

Еще в 1920 г. С.И. Силкин участвовал в создании на ст. Маньчжурия партийной и комсомольской организаций, а также выступил инициатором объединения профессиональных союзов, вел работу по разложению семеновских и каппелевских частей в целях их реэвакуации в Россию. При содействии ячейки РКП(б) он организовал помощь партизанским отрядам и регулярным частям НРА, используя личные связи в штабе китайских войск. Для проведения военной работы 26 января 1921 г. командованием 2-й Верхнеудинской дивизии НРА Силкин был

назначен представителем дивизии на ст. Маньчжурия, он способствовал началу переговоров представителей министерства транспорта ДВР с китайскими властями об открытии железнодорожного сообщения через российско-маньчжурскую границу, занимался распространением коммунистической литературы, переправлявшейся из Читы².

Однако исполнение Силкиным специальных обязанностей вскоре явилось причиной конфликта с представителем ДВР на ст. Маньчжурия П.Ф. Александровским (настоящая фамилия Жуйков – *Авт.*).

Суть конфликта представляется целесообразным изложить подробно, поскольку это даст достаточно рельефное представление о деятельности спецслужб ДВР в Маньчжурии. Так, в письме уполномоченному Дальбюро ЦК РКП(б) в полосе отчуждения КВЖД Силкин описывал сложившуюся конфликтную ситуацию следующим образом. При аресте китайскими властями сотрудников «госполитинспекции»³ Степанова и Берестнева, имевших при себе мандаты, исполненные на куске шелковой ткани, П.Ф. Александровский ограничился информированием МИД ДВР. Все необходимые меры по освобождению сотрудников предпринимал Силкин самостоятельно, в том числе информировал особоуполномоченного ДВР в Харбине, взаимодействовал со штабом китайских войск и пр.

Вся направлявшаяся из ДВР коммунистическая литература шла в адрес С.И. Силкина. Не имея средств для аренды помещения под склад и для того, чтобы минимизировать угрозу обыска китайской полицией, он использовал с ведома П.Ф. Александровского кладовую при арендованном под представительство помещении. Однако через некоторое время Александровский потребовал освободить указанное помещение⁴.

Далее С.И. Силкин, отмечал, что в условиях небольшого количества домов и множества различных белогвардейских организаций на ст. Маньчжурия приобретение явочной квартиры было затруднительно, поэтому он посчитал обоснованным использовать в этих целях помещения представительства ДВР. Поскольку в канцелярии уполномоченного ежедневно бывала масса посетителей, то Силкину представлялось посещение представительства тем или иным сотрудником мало заметным и не создающим угрозы компрометации уполномоченного. Сначала Александровский требовал, чтобы сотрудники являлись преимущественно по вечерам, а затем запретил посещение представительства на том основании, что за канцелярией, по его предположению, постоянно следили белогвардейцы⁵.

Силкин также указывал, что Александровский, получая сведения от сотрудников «госполитинспекции» и других лиц, по непонятной причине сообщал их представителям китайских военных и гражданских властей. Более того, через присутствовавшего на встречах переводчика командующего китайскими войсками Гунн, который, по мнению Силкина, являлся агентом атамана Г.М. Семенова, сведения становились известны белогвардейцам⁶.

Все лето 1921 г. этот конфликт разбирался в Дальбюро ЦК РКП(б) с участием заинтересованных сторон – МИД, ГПО и штаба НРА⁷. В результате в октябре 1921 г. С.И. Силкин был отозван из Маньчжурии, чуть позже был снят со своей должности и П.Ф. Александровский⁸.

В ноябре 1921 г. – начале 1922 г. резидентом на ст. Маньчжурия, по-видимому, был Михайлов, который в качестве прикрытия занимал указанную должность в представительстве ДВР. Неизвестно как долго он находился в Маньчжурии, но на одном из совещаний в МИД ДВР в начале 1922 г. было признано целесообразным заменить его на более опытного сотрудника ГПО⁹.

Придерживаясь политики ликвидации интервенции, прорыва политической и экономической блокады правительство ДВР стремилось продолжить международные переговоры и использовать не только разногласия великих держав, но и их заинтересованность в экономиче-

ских отношениях с Россией и ДВР. Межгосударственные переговоры стали главным средством решения тех целей, ради которых была создана Дальневосточная республика¹⁰.

Советская разведка с целью решения основных задач внешней политики предпринимала экстраординарные усилия по выяснению намерений Японии и других государств в отношении ДВР и Советской России, в том числе в ходе конференций в Дайрене, Вашингтоне и Чанчуне.

В августе 1921 г. в Дайрене начались инициированные ДВР переговоры с Японией по наиболее важным вопросам двусторонних отношений: прекращение интервенции и вывод японских войск с российского Дальнего Востока, заключение экономического соглашения.

Подготавливая позицию российской стороны, ЦК РКП(б), Дальбюро ЦК, правительство ДВР располагали необходимой информацией, полученной по дипломатическим каналам, и добытой советской разведкой, которая свидетельствовала о том, что Япония пошла на Дайренскую конференцию ввиду финансовых трудностей, связанных с затратами на интервенцию.

В 1921 г. на нее было истрачено 100 млн. иен, а на 1922 г. планировалось израсходовать ещё 55 млн. 1921-й г. Япония закончила с бюджетным дефицитом в 400 млн. иен, внешняя торговля страны оказалась существенно подорвана, золотой запас уменьшился почти на 100 млн. иен. Интервенция унесла жизни несколько тысяч японских военнослужащих. В военных кругах наметился раскол: военное министерство стояло за сокращение интервенции, генеральный штаб – за ее эскалацию¹¹.

В Японии развивалось движение против интервенции в России. Оно было частью обширного движения пролетариата, выступавшего в разных странах под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» с требованием прекратить войну против молодого государства трудящихся¹². Кроме этого Японии приходилось также учитывать и укрепление позиций Советской России на международной арене.

В преддверии конференции в Дайрене Дальбюро и правительство ДВР запросили Владивосток о возможности выяснения японской позиции на предстоящих переговорах. Эти сведения были получены осведомительным отделом подпольного Приморского облревкома. 8 июля 1921 г. его председатель В.П. Шишкин передавал: «Из имеющихся у нас документов, полученных из японских штабов, видно, что японцы считают правительство ДВР коммунистическим, а поэтому нежелательным для них, но все же намерены вести с ним переговоры, поддерживая одновременно антикоммунистические группировки. Если переговоры будут для них неблагоприятны, то они выдадут Приамурскому правительству оружие и дадут большую поддержку антикоммунистическим силам...»¹³.

Жесткая позиция японской стороны, занятая на Дайренской конференции, привела в феврале 1922 г. к ее закрытию. Не решив ни одного существенного вопроса, тем не менее, конференция дала важный опыт ведения переговоров с государством, реализующим в регионе политику непосредственной военной экспансии.

Еще до окончания дайренских переговоров, в ноябре 1921 г., в Вашингтоне открыла свою работу конференция по ограничению вооружений, тихоокеанскому и дальневосточному вопросам. В ней принимали участие США, Британская империя, Япония, Франция, Италия, Китай, а также имевшие интересы в АТР – Бельгия, Голландия и Португалия. Повестка дня конференции вышла за рамки ограничения вооружений и включала в себя неприкосновенность тихоокеанских владений, а также китайский и русский вопросы¹⁴.

Ни Советская Россия, ни ДВР не получили официального приглашения на конференцию. Несмотря на это в декабре делегация ДВР прибыла в Вашингтон и развернула активную антияпонскую пропагандистскую кампанию, используя добытые советской разведкой секретные документы о материально-финансовой поддержке Японией «контрреволюционного» режима в Приморье, а также о внешнеполитических антисоветских планах Японии и Франции.

Так, в январе 1922 г. делегация ДВР опубликовала ряд документов, разоблачавших экспансионистские планы великих держав на Дальнем Востоке. В частности, были преданы гласности материалы о секретном соглашении между Францией и Японией относительно создания на Дальнем Востоке государства, полностью зависимого от Японии, а также о существовании тайного дипломатического блока между Францией и Японией, направленного против Америки. Представители ДВР заявили также американской делегации, что «русский народ считает и американское правительство ответственным за проливаемую кровь мирного русского населения в результате продолжающейся империалистической интервенции»¹⁵.

Антисоветская политика, в том виде, как ее осуществляла Япония при помощи национальных вооруженных сил, не нашла поддержки ни в Вашингтоне, ни в Генуе в силу правильной дипломатической тактики РСФСР и ДВР, а также из-за укрепления международных позиций Советской России, близости окончания Гражданской войны и заинтересованности держав в экономических отношениях с РСФСР и ДВР.

Летом 1922 г. дипломатия ДВР активизировала усилия по решению вопроса о выводе японских войск с территории российского Дальнего Востока. После обращения к японскому правительству конференция была намечена на сентябрь 1922 г. в Чанчуне¹⁶.

В июле 1922 г. резидентуре ГПО в Харбине удалось получить копию переписки МИД Японии со своими дипломатическими представителями, которая была направлена в МИД ДВР¹⁷. Таким образом, в преддверии конференции советская сторона была в достаточной мере информирована о положении в Японии и ее приоритетах во внешней политике.

В августе 1922 г. были перехвачены письма посланника Японии в Польше Каваками, в которых он констатировал, что правительство ДВР обладает необходимыми документальными материалами о зверствах японских войск на российской земле, размере нанесенного России огромного материального ущерба, чтобы противопоставить претензиям Японии по «николаевскому инциденту» свои аргументы. Поэтому японскому правительству предпочтительнее отсрочить обсуждение этого «инцидента» до заключения договора, касавшегося вывода войск и возобновления торговых отношений. Политика Японии по отношению к России, как указывал Каваками, была непродуманной, что и привело к сложившемуся положению¹⁸.

В самой Японии политическая обстановка летом 1922 г. складывалась неблагоприятно для милитаристских кругов и иных сторонников интервенции. Экономический кризис, огромные, но безрезультатные затраты на интервенцию, достигшие полутора миллиардов иен, большие потери солдат, бесславно погибших в Дальневосточном крае, – все это возбуждало недовольство продолжавшейся интервенцией не только со стороны трудящихся, но и со стороны мелкой буржуазии Японии.

Попытки правящих кругов переложить бремя кризиса и военных расходов на плечи трудящихся лишь стимулировали рост революционного движения в Японии.

Особенно сильное влияние на пересмотр политики японских империалистов в отношении русского Дальнего Востока оказывало укрепление советского государства в результате окончания Гражданской войны в европейской части страны и все более увеличивающееся значение РСФСР на мировой арене. 1922 г. ознаменовался переломом в отношениях целого ряда капиталистических стран с Советской Россией. Началась полоса дипломатических и экономических переговоров¹⁹.

Летом 1922 г. ушло в отставку правительство Такахаси. Высший тайный совет и Высший совет при императоре предпочли уступить общественному мнению и сменить кабинет, связанный с интервенцией в Сибири. 23 июня 1922 г. новое правительство решило вывести войска из ДВР, за исключением северного Сахалина, до конца октября 1922 г.²⁰

Маньчжурская резидентура ГПО установила, что главным козырем в руках партии, настаивавшей на эвакуации японских войск, было возобновление торговых отношений с

Советской Россией и ДВР. По этой же причине японскую сторону удалось склонить к проведению конференции в Чанчуне с участием не только представителей ДВР, но и РСФСР.

В то же время милитаристские круги Японии продолжали препятствовать выводу японских войск с российской территории. Они с тревогой отнеслись к ликвидации военно-политического союза Японии и Англии, заключенного в 1911 г., и сближению последней с США, которое проявилось на Вашингтонской конференции.

Как установила советская разведка, в августе 1922 г. в Мукдене представители японского генштаба заключили соглашение с китайским маршалом Чжан Цзолином. Главной целью соглашения являлась реализация японской экспансии менее затратным способом. Чжан Цзолину было передано оружие, а в сентябре японское правительство выплатило ему 11 млн. долларов на перевооружение и реорганизацию армии, а также направило японских военных советников. Кроме того, поддерживая Чжан Цзолина в борьбе с У Пейфу, японцы получили некоторое преимущество в сношениях с Пекинским правительством, в том числе для защиты своих экономических интересов в Маньчжурии. Помимо прочего, таким образом предполагалось сделать международный имидж Японии более позитивным²¹.

В августе 1922 г. были получены данные о том, что военное командование рассматривало предстоящие переговоры Японии с ДВР как исключительно торговые. Предполагалось, что японские представители во время переговоров будут получать инструкции только от МИД Японии. В отличие от Дайренской конференции военное командование не планировало принимать участие в переговорах.

В сентябре 1922 г. советская разведка получила информацию о том, что на заседании в военном министерстве по вопросу установления отношений с РСФСР Като сформулировал условия, на которых это было бы возможно. В частности предусматривалось объявить Владивосток международным торговым портом и образовать японский селтльмент, эксплуатировать Уссурийскую железную дорогу только русскими и японскими компаниями, для установления связи проложить между Владивостоком и Токио кабель особого назначения. Кроме того, военное министерство предлагало в целях борьбы с влиянием Америки в Китае возобновить в какой-либо форме ранее расторгнутый по требованию США тайный англо-японский договор.

Советская разведка также установила, что в преддверии конференции японская военная миссия направила в Чанчунь секретных сотрудников, причем предпочтение было отдано агентам русской национальности²².

Располагая информацией по ключевым проблемам советско-японских отношений, объединенная советская делегация заняла на конференции достаточно выверенную и твердую позицию. Однако вследствие осложнения внутривосточной обстановки позиция Японии на переговорах в Чанчуне была противоречивой, что в конечном итоге привело к их безрезультатному завершению.

В сентябре 1922 г. после прекращения переговоров советской разведкой была перехвачена телеграмма начальника японского генерального штаба Уехара главнокомандующему японским экспедиционным корпусом в Приморье генералу Тачибана. Уехара информировал Тачибана о том, что МИД Японии совершенно потерял возможность самостоятельно решать дипломатические вопросы. Все проблемы внешней политики обсуждались на заседании кабинета и согласовывались с военным ведомством.

Провал Чанчуньской конференции произвел удручающее впечатление на торгово-промышленные круги Японии. Для выяснения вопроса о торговле с ДВР японские промышленники и владельцы концессий в Приморье буквально осаждали особоуполномоченного ДВР в Особом районе Восточных провинций Китая Э.К. Озарнина. Кроме того, стала поступать информация о том, что в Японии активно дискутировалась возможность частичной эвакуации войск, ряд воинских частей предполагалось оставить для охраны японских резидентов. Дан-

ный вопрос также обсуждался в ходе консультаций японского консульства с японскими предпринимателями, за чей счет предполагалось содержать эти части²³.

Однако, несмотря на противодействие «военной партии», Япония вывела военный контингент с российского Дальнего Востока, за исключением Сахалина. 21 октября 1922 г. Э.К. Озарнина посетил японский консул Яманучи. Консул отметил, что теперь Япония осознала цену белогвардейских правительств и эвакуация Приморья является отрядным для японцев событием. Он также отметил, что очевидно в ближайшем будущем могут состояться очередные переговоры с ДВР и РСФСР. По мнению Э.К. Озарнина, японцев очень беспокоила возможность бойкота японских товаров, а также затруднения для въезда японцев на советский Дальний Восток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.